

В. А. Арутюнова-Фидаян

ОБРАЗ ВИЗАНТИИ В АРМЯНСКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XI в. (АРИСТАКЕС ЛАСТИВЕРТЦИ)*

“Повествование” Аристакаеса Ластивертци¹ – заметное явление в армянской средневековой литературе по своим художественным достоинствам (написано между 1072 и 1079 гг., охватывает события с 1000 по 1072 г.)².

Автор – современник и очевидец захвата Византией обширных малоазийских территорий, в том числе и армянских земель, завершения движения Византии на Восток и нашествия сельджуков. Он придерживается единой и очень четкой концепции по отношению к политике Византии. Везде, где Аристакаес порицает имперские акции, он делает это с оговорками. Так, он намекает, что Василий II инспирировал убийство Давида Куропалата и тут же рассказывает о казни тайкских азатов, замешанных в этом преступлении (с. 23), очевидно, по приказу императора. Болгарские войска, посланные Василием II на Восток, опустошали и разоряли восточные провинции, но не в силу приказа императора, а поскольку это был народ “злой и безжалостный” (с. 25).

Глава X, посвященная падению Ширакского царства, захвату Ани, – это плач о гибели “страны нашей Армянской”. В ярких, удивительно драматичных красках описывает Аристакаес запустение некогда богатой и цветущей земли. Ромейские войска четырежды вторгались в Ширак, Ани был захвачен “не по закону войны”, а “лукавой речью”. Константин IX Мономах нарушил клятву на кресте. Казалось бы, полное и безоговорочное осуждение политического курса Византии. Однако и здесь империя виновата не одна, следовательно, не так уж виновата. Ответственность за падение Ширакского царства–сюзерена армянских царств и княжеств делят с ромеями провизантийски настроенные аристократы Ширака Саркис Хайказн и католикос Петрос Гетадардз, некий священник Кюрacos, спрятавший, а позже продавший грамоту Константина VIII о самоуправлении Армении, Гагик II, покинувший страну из-за “незрелого ума и боязливости” и т.п. (с. 55–64). Примеры наблюдений такого рода можно было бы умножить³.

По большей же части политические акции империи воспринимаются Аристакаесом почти без оговорок. Давид Куропалат передал свои земли императору Василию II,

* Продолжение. Часть III. Начало публикаций см.: Часть I: Образ Византии в армянской средневековой историографии X в. // ВВ. 1991. Т. 52. С. 113–126. Часть II: Образ Византии в армянской средневековой историографии X в. // Историко-филологический журнал. 1992. № 1. С. 42–56.

¹ Повествование Аристакаеса Ластивертци / Подг. текста и предисл. К.Н. Юзбашяна. Ереван, 1963 (др.-арм.). Далее с. в ст. указ. по этому изд.

² Манукян Г.М. Аристакаес Ластивертци: Филологическое исследование творчества. Ереван. 1977 (арм.).

³ Юзбашян К.Н. Повествование Аристакаеса Ластивертци и закат “эпохи Баградидов”: Автореф. дис. ... д-ра. ист. наук. Л., 1976. С. 19.

вполне добровольно (с. 35). Вину за войну ради наследства Давида Аристакаес (так же как Асолик) возлагает не на Василия II, а на грузинского царя Георгия I, не вернувшего владения, некогда пожалованные империей Давиду (с. 25). “Справедливый господь воздал ему через посредство ромеев” (с. 27). Аристакаес несколько раз подчеркивает мирные намерения Василия II. “Императору хотелось закончить поход миром, чтобы страна избежала разорения” (с. 28–29) и только когда переговоры ни к чему не привели, он приказал начать военные действия.

Аристакаес пишет о помощи, которую оказал Василий II брату Иоанна–Смбата Ашоту Багратуни (с. 28). Иными словами, Аристакаес полностью воспринял концепцию о сюзеренных правах Византии на армянские земли. Так же как и его предшественники, он отмечает, что все поднимавшие мятежи против императора ромеев кончали позорным образом (с. 33), т.е. проповедует “безмятежность” и порядок, осуществлявшийся империей.

Какой же предстает внутренняя политика Византии на завоеванных ею землях в освещении Аристакаеса Ластивертци? Страна опустела. Князья, цари и азаты рассеялись по чужим землям, сам же Аристакаес пишет об этом в своих плачах – отступлениях. И в то же время он подчеркивает, что азаты не по принуждению, а по убеждению (хотя бы и “лукавыми речами”) переехали в империю и там получили новые владения (с. 41).

Исследователи чаще всего приводят данные Аристакаеса о разгule сельджукского нашествия в Армении, и соседних областях, о поражениях ромейских войск. Но у него есть и немало данных об усилиях империи, направленных на оборону восточных провинций.

Так, историк пишет о строительстве оборонительных сооружений, о восстановлении Феодосополя (с. 28). Аристакаес рассказывает о сражении с сельджуками византийских наместников Тарона, Васпуракана, Ивирии, Месопотамии (с. 80–81), отмечает, что византийцы сосредоточили в восточных провинциях военные контингенты, в частности: “на востоке было значительное количество ромейской конницы, которая защищала страну, – число ее, говорят, доходило до 60 тыс.” (с. 80). Аристакаес с восторгом повествует об успешной обороне Манцикерта от сельджуков, возглавленной комендантом города ишханом Василием (Василием Апокапом). В городе, очевидно, находился византийский гарнизон, “некий военачальник из ромейских войск” (с. 92) проник во вражеский лагерь и поджег осадную машину сельджуков “греческим огнем” (с. 92–93).

Ромейские военачальники пытались защищать вверенные им области, хотя и не всегда успешно из-за численного перевеса сельджуков (см., например, о вылазке отряда ромейского гарнизона Мелитины, о сражении с сельджуками гарнизона крепости в Хордзене) (с. 116. 13–14; 118. 1–7). Аристакаес восхищается Феодором, сыном Аарона, таронским наместником (с. 96–97), проявившим отвагу в битвах с сельджуками. И наконец, с сочувствием пишет Аристакаес о трагической судьбе Романа IV Диогена (1068–1071), с гибелью которого связывает крушение могущества ромейской державы (с. 137).

В галерее портретов византийских императоров “Повествования” выделяется Василий II. Образ Василия II, его жизнь и деятельность исследованы достаточно хорошо и с привлечением всех возможных разноязычных и гетерогенных источников: уточнялись даты его внешне- и внутриполитических акций, составлялись карты его походов и завоеванных им территорий, отмечалось, что за почти полвека пребывания на византийском престоле (уникальный срок для любого из византийских императоров) он утвердил византийское владычество от Болгарии до Закавказья и что никогда после его смерти Византия не достигала такого могущества: территория ее – такой величины, казна – такого богатства, престиж империи – такого блеска.

Составленный из мозаики сведений разных источников образ Василия сложен, но, по-видимому, не только поэтому, сложен он был, очевидно, изначально. Я не собираюсь рисовать здесь заново ни мозаичный портрет Василия II – результат сопоставления данных многих разноязычных и разновременных источников, ни возможно более близкий к реальности его портрет, представленный византийскими памятниками. Хотя считаю, что “энергичный, суровый, немилостивый и грубый, беспощадный и подозрительный” Василий II Михаила Пселла, возможно, ближе всего к объективной реальности (как ни парадоксально звучит слово “объективность” в приложении к Михаилу Пселлу). Впрочем, Пселл вследствие своего положения при византийском дворе располагал серьезными источниками и вряд ли собирался льстить давно умершему императору⁴.

В царствование Василия II были либо присоединены, либо заложены предпосылки к присоединению армянских земель, что определило интерес к этому императору у армянских авторов, чьи произведения дали немало фактов для исследований как общего, так и частного характера, так или иначе касающихся экспансии Византийской империи на Востоке и на Западе⁵.

В 1021 г. Василий II начал войну за наследство Давида Куропалата с грузинским царем Георгием I (1014–1027) и после неудачи мирных переговоров прошел огнем и мечом по двенадцати армянским гаварам, “приказав не щадить ни старца, ни юноши, ни младенца” (с. 29). Одна из знаменитых “патриотических элегий” Аристакеса Ластивертци посвящена избиению жителей и разорению некогда цветущего края по “безжалостному” приказу императора (с. 31).

Василий II жестоко расправился с Фокой, поднявшим против него мятеж. Ферсу и Андронику по его приказу отсекли головы (с. 33, 35). Посредником во время переговоров Василия II с Георгием I был епископ Валаршакертский Захария, честно пытавшийся добиться мира, но не преуспевший в этом. За похвалу войскам Георгия Захарии по приказу императора вырвали язык (с. 36). В последней битве с Георгием в Шлпай ромеи разбили грузинские отряды, а император назначил награду за каждую голову воина противника и приказал сложить головы в кучи по дорогам (с. 37). Георгий I был вынужден отдать требуемые императором земли и оставить заложником сына (с. 38). Из Армении Василий II выступил “на войну с Персией” и, чтобы устрашить жителей Гера, приказал вырубить окружавшие город деревья (с. 38). И вот здесь божий гнев обрушил на ромейские войска снег и холод, совершенно лишивший их боеспособности, и это была, по мнению Аристакеса, кара “за меч, поднятый против христиан” (с. 38–39).

Армянский историк знает, что Василий II вел “бесперывные войны” на Балканах с начала своего царствования, и предполагает, что сыновья умершего правителя Болгарии, “который побеждал императора в сражениях”, не желая подчиняться друг другу, сдались на его милость. Однако, если армянский источник плохо информирован о событиях в самой Болгарии, то он осведомлен о болгарском войске, присланном обманом в Армению “путем без возврата”, которое разорило те области, через которые они шли, так как это был “злой и безжалостный народ, жестокосердный и склонный к насилию” (с. 25).

Однако не только эти негативные факты конституируют образ Василия II в “Повествовании”. Формообразующим элементом становятся и объяснения – оправдания Аристакеса, обычно сопровождающие их. Разумеется, может быть, Давид и был

⁴ Любарский Я.Н. Михаил Пселл: Личность и творчество. М., 1978. С. 213. Исследователь отмечает при этом, что, строго говоря, нам вообще неизвестно, каким был тот или иной деятель XI в.; мы можем судить лишь о том, каким он изображен у Пселла, Скилицы, Атталиата и т.д. (Гам же.).

⁵ Своеобразна контаминация событий в рассказах армянских авторов о войне с Болгарией.

убит не без участия императора, но именно император покарал азатов Тайка – убийц Давида (вначале, кстати, утвержденных Василием во владельческих правах и щедро одаренных). Завязалась схватка между ними и русской дружиной Василия, очевидно, по приказу императора, так как те из азатов, кто не был убит в схватке, были казнены по приказу Василия, их постигла кара за убийство Давида (с. 24). Вину за войну ради наследия Давида Аристакек возлагает не на Василия II, а на грузинского царя Георгия I, не желавшего вернуть империи земли, некогда пожалованные его отцу (с. 25). Историк все время подчеркивает законность притязаний Василия II (с. 37–38).

Жестокость императора во время сражений с Георгием Аристакек объясняет сразу и божьей карой за “крайнее богохульство” жителей края, где шли военные действия, и жестокостью западного войска империи, “набранного из диких племен” (с. 31). Аристакек подчеркивает терпимость и миролюбие Василия II, несколько раз начинавшего переговоры о мире с Георгием (“в любезных выражениях он писал ему, мол, откажись от того, что не является твоим наследственным владением, пребывая в своем уделе с миром и не мешай мне следовать в Персию” (с. 37–38) и даже после поражения Георгия Василий не потребовал от него больше, чем требовал ранее, что Аристакек явно считает признаком доброй воли (с. 37). Аристакек не сомневается в том, что Василий II был законным сюзереном Грузии, Армении и Болгарии. Он жалуется титулами магистра и куропалата грузинских владетелей, явившихся к нему (с. 25). На отошедших к империи и завоеванных им землях Василий II устраивает военно-административные округа империи. Аристакек приводит и другие данные об усилиях императора, направленных на оборону вновь созданных восточных провинций (строительство и восстановление оборонительных сооружений (с. 28) и т.п.).

Аристакек не одобряет восстаний против Василия II. Он подробно рассказывает о близком ему по времени мятеже Никифора Црвиза и Ксифия и коротко о предшествующих выступлениях Варды Склира и Варды Фоки. Аристакек называет мятеж “болезнью”, считает, что победа Василия II над повстанцами была следствием “божественного правосудия”, причем Василию II была оказана “особая благодать” (с. 33), а постигшая бунтовщиков кара была справедливой и мудрой” (с. 34–35).

Прямой характеристики Василия у Аристакека нет, однако приводятся выразительные примеры его щедрости (с. 25), мудрости (устрашение мятежников – с. 33–35), мужества и самоотверженности⁶. Особенно возвышается Василий II при сравнении с неспособным к правлению ленивым и распущенным Константином IX Мономахом, расточавшим “богатства, собранные в качестве налога со всех стран, которые он должен был раздавать всадникам, дабы увеличить конное войско, призванное отражать врагов и победой над неприятелем обеспечивать стране мир (как то делал Василий на протяжении 50 лет своего царствования, когда никакой враг не решался вступить в его страну)”⁷. Ф. Тиннефельд, исследовавший социальные основы “критики императоров” в византийской историографии, отвергает мысль о влиянии Kaisertum на порицание василевса⁸. Однако армянский историк, порицая Константина IX, явно исходит из идеала воинственного монарха, удачливого полководца.

Разумеется, Василия II нельзя считать парадигмой идеального императора, этому препятствует фактическая канва его поступков, возвышение его в “Повествовании” по сравнению с другими византийскими императорами объясняется успехами Василия в обороне империи.

⁶ Аристакек приводит явно легендарный рассказ о том, как смертельно больной Василий, встав чуть ли не с одра смерти, сел на коня и помог утвердиться на византийском престоле своему брату Константину (с. 240).

⁷ Повествование вардапета Аристакека Ластивертци / Пер. с древнеарм., вступ. ст. коммент. и прил. К.Н. Юзбашьяна. М., 1968. С. 104.

⁸ *Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik in der byzantinischen Historiographie. München, 1971. S. 192–193.*

Почти так же как благосклонен историк и к брату Василия II, по крайней мере в первый год его царствования, когда в “стране был мир”. Константин VIII продолжал политику брата, “утверждая князей и правителей гаваров, которых поставил великий Василий”⁹, и был “миролюбив и щедр” (с. 40). С именем Константина Аристакес связывает легенду о грамоте для Армении, переданной будто бы Кюракосу (с. 57).

Роман III был человеком “ума незрелого”, фанатично преданным халкидонскому символу веры и ненавидевшим “истинную” (т.е. монофиситскую) веру, а главное, совершенно лишенным воинских талантов, вследствие чего “бесчисленное войско ромеев” было разбито небольшим арабским отрядом (с. 42–44). Аристакес в подробностях осведомлен о том, как убили Романа и как возвели на престол Михаила IV Пафлагонца (1031–1041), незнатного фаворита императрицы Зои⁹.

Аристакес передает слухи о том, что Михаил был в числе убийц императора и называет его убийство “делом сатаны”, которому Михаил, “как рассказывали”, продал душу, чтобы обольстить императрицу (с. 46–47). Но на первое место в критике Михаила IV Аристакес ставит вовсе не его злодейство и даже не возможную связь с дьяволом, а его незнатность (“не царского он рода и не царский сын и судя по его должности не принадлежал к именитым сановникам” (с. 46). Это дает возможность Аристакесу осудить отсутствие династического принципа в Византии¹⁰. Изложение событий конспективно, но точно следует византийской историографической традиции, равно как и описание недолгого царствования Михаила V Калафата (1041–1042)¹¹. Аристакес порицает Михаила V за неблагодарность (с. 50), Михаила VI Стратиотика (1056–1057) за скупость и жестокость, за неумение расположить к себе восточную провинциальную знать, что и явилось причиной разрушительной междоусобной войны (с. 103), а Константина IX Мономаха за беспутство и легкомыслие в государственных делах (с. 95). Константин IX Мономах, по мнению Аристакеса, “был сотворен из глины”, он не из царского дома, он стал супругом Зои вопреки “каноническим правилам” (с. 51–52). Константин IX – клятвoprступник (он нарушил клятву на кресте, данную Гагику II (с. 61–62), и при нем сельджуки безнаказанно опустошали армянские земли, вошедшие в состав Византии (с. 64–82). Он был чревоугодником, пьяницей и распутником, государственную казну “он тратил на блудниц и ничуть не тревожился о разорении страны”, правил 13 лет и не сделал ничего “достойного доброй памяти” (с. 95).

Аристакес хорошо осведомлен о событиях царствования Мономаха, и его филиппика (и по содержанию, и по форме) вполне могла бы оказаться под пером Михаила Пселла, Скилицы, Атталиата, в особенности Кекавмена¹². Кекавмен, как и Аристакес, считает, что Мономах “погубил и разорил царство ромеев” (с. 288–289), так как он упразднил фемное войско и наложил в Ивирии и Месопотамии такие подати, “каких никогда не ведали тамошние жители”, и ослабил тем самым оборону границ (с

⁹ Scyl. 390–392; *Мих. Пселл. Хронография*. С. 29–35.

¹⁰ “Перестали существовать [царства] с золотой гривой с серебряными плечами и руками, медной спиной и боками, которые представились Даниилу в его пророческом видении. А [царство] с ногами из железа, смешанного с глиной, – это ромейская империя! И управляют ею не так, как у других народов правит либо царь, либо царский сын. Железо олицетворяет того, кто наследовал царство от отцов и дедов, глина – пришельца, не принадлежащего царскому роду” (С. 46; Повествование. С. 74).

¹¹ Scyl. 416–421; *Мих. Пселл. Хронография*. С. 52–64.

¹² Scyl. P. 422–478; *Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkritik*. S. 136. Ср. характеристику Пселла: “Этот самодержец не постиг природы царства, ни того, что он род полезного служения подданным и нуждается в душе, постоянно дблящей о благом правлении, но счел свою власть отдыхом от трудов... он передал другим попечение о казне, право суда и заботу о войске” (*Мих. Пселл. Хронография*. С. 83). См.: *Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI в.* / Подгот. текста, пер. и коммент Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 66–68 (в тексте с. указ. по этому изд.).

152–153), посылал против врагов империи неумелых полководцев (с. 162–163) и “наживался за счет войска” (с. 284–285).

Аристакес не предлагает своей парадигмы образа императора. Отвлеченный идеальный царь Кекавмена из его “Советов будущим императорам”, конституированный набором традиционных добродетелей (мужество, справедливость, целомудрие, скромность), информирует о нравственном облике, необходимом властителю во все времена и, в сущности, не сообщает о требованиях, предъявляемых византийским писателем к правителям современности. Представление о парадигме императора Аристакеса и Кекавмена можно получить, скорее всего, “от противоположного”, от негативного образа Константина IX Мономаха. И Аристакес и Кекавмен главной добродетелью василевса считают умение защищать свою страну, а главным пороком – бессилие или нежелание делать это. Представление об их идеале правителя можно составить, представив себе полную противоположность Константину Мономаху, т.е. царь должен обладать талантом полководца, умело и справедливо распределять государственные средства, “заботиться о мире и благоденствии в государстве”¹³.

Если исходить из этого идеального образа, то становится понятно, почему даже Роман IV Диоген (1068–1071), который не был удачливым полководцем, не смог до него дотянуться. И дело даже не в том, что Роман IV вначале был настроен против армянских отрядов, входивших в его войско, и переменял свое мнение о них только увидев, как доблестно они сражаются. Аристакес, кстати сказать, предлагает здесь совершенно рыцарскую формулу: “настроенные враждебно к императору” армянские воины “не изменили и приняли смерть” за своего сюзерена, желая, “чтобы об их преданности и доблести осталась добрая память” (с. 139). За Романом Диогеном Аристакес признает личное мужество и желание защитить свою страну. Армянский историк даже сопоставляет его с Константином Великим (напомнив, что он шестидесятилетний (“или около того”) император после Константина) (с. 137), подчеркивая значительность роли Романа в византийской истории. Однако Романа погубили отсутствие полководческого таланта (“нелепый замысел” разбить войско на части – с. 138) и измена.

Изложение событий повествования (иногда дословно) совпадает с византийскими источниками¹⁴. Осведомленность Аристакеса можно объяснить по-разному, но она не подлежит сомнению. Он осведомлен не только о внешнеполитических событиях, но и о внутренней социальной структуре империи. Он знает о раздаче руги (с. 103), о пронии (с. 46), о харистикии. Мы не найдем в “Повествовании” развернутых антихалкидонистских высказываний, Аристакес ограничивается утверждением, что истинная вера – это вера армянской церкви (с. 26).

И, что самое знаменательное, в “Повествовании” нет парадигмы армянского царя, а армянские князья и цари чаще всего упоминаются в составе византийской администрации восточных провинций. Таким образом, труд Аристакеса адекватно отражает реалии установившейся армяно-византийской контактной зоны.

Образ Византии “Повествования” Аристакеса Ластивертци сходен с автопортретом империи, нарисованным византийскими авторами XI в.

(Продолжение следует)

¹³ Сравнительный анализ мировоззрения Аристакеса Ластивертци и Кекавмена см. в нашей следующей публикации (в печати).

¹⁴ Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches. Bruxelles, 1961. S. 188; Canard M. La campagne arménienne du sultan saljuquide Alp Arslan et la prise d’Ani en 1064 // REA. 1965. Vol. 2; Toumanoff C. The Background to Mantzikert // XIII International Congress of Byzantine Studies. Oxford, 1966; Tinnefeld F. Kategorien der Kaiserkrönung. S. 138–139.